

Виталий Олегович Мальков родился в 1972 году в городе Артемовске Донецкой области. Окончил Сибирскую государственную геодезическую академию. Прослужил 15 лет в уголовно-исполнительной системе, капитан внутренней службы в отставке. Участник Всероссийского Сопевания молодых писателей в Сургуте в апреле 2009 года. Публиковался в журналах «Подъём», «Наш современник», альманахе писателей Югры «Эринтур», в белгородских сборниках «Солнце чужого мира» и «Слово — «Слову»». Автор сборника прозы «Продавец книг». Живет в Белгороде.

Виталий Мальков

МИНУС ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТЬ

Рассказ

Оконное стекло кухни затянули ледяные узоры. Еще было темно, до позднего зимнего рассвета оставалось часа три.

Матвеев открыл форточку и, поевившись от повалившего с улицы холода, выглянул наружу. Спиртовой термометр за окном показывал пятьдесят шесть градусов ниже нуля. Начался активированный день. В прошлые годы он мог растянуться недели на две-три, а то и на добрый месяц. Теперь же якутские зимы стали мягче, редко когда мороз выдавливал за полтинник.

Матвеев сладко потянулся, радуясь, что сегодня выходной. В такую-то стужу на работу идти кому охота, особенно когда сама работа уже опостылела. Раньше, в царские времена, она считалась окаянной — охранять острожников и каторжан. Да и сейчас в ней не было никакого престижа, разве что ранняя пенсия по льготному стажу.

В ноги ткнулся влажный собачий нос. Ротвейлер Чара торопила хозяина с утренней прогулкой.

— Сейчас пойдем, не волнуйся...

Он вернулся в спальню и осторожно, чтобы не разбудить жену, надел шерстяные спортивные штаны, а поверх них — брюки, натянул через голову теплый вяза-

ный свитер с длинным воротом. В прихожей экипировку дополнили спшитые в зоне оленьи ботинки на толстой войлочной подошве, черный армейский полушубок и меховая шапка.

Чара охотно подставила голову для ошейника с поводком, нетерпеливо переминаясь с лапы на лапу.

— Ну что, готова? Тогда айда...

Матвеев отворил оббитую ватным пологом дверь подъезда и, пропустив вперед собаку, вышел на крыльцо. Поселок утопал в густом тумане, обычном при столь низкой температуре. Даже сам воздух как будто сделался более вязким и труднее вдыхался, а выдыхаемый пар издавал звук, похожий на шипение. Минус пятьдесят шесть — это не шуточки! Здесь, кажется, вступают в силу совсем другие законы физики. Металл — и тот не выдерживает, лопается: машину можно завести только в теплом гараже. Непонятно, как люди привыкли жить в таком холоде. Но ведь живут! Ничего, приспособились. Взять хотя бы родной поселок, приютившийся на высоком, скалистом берегу Лены... Да и лето ведь в Якутии жаркое, до сорока с плюсом бывает, одна беда — гнус да комарье... Зато по осени в тайге полным-полно грибов и ягод...

Любил Матвеев этот суровый край с его природой, еще не поруганной человеком. Поэтому и вернулся сюда, отучившись в Новосибирском электротехническом институте. Понял, что не сможет обойтись без дешенных просторов и красот — без знакомых с детства таежных троп и ласкающего взгляд раздолья великой северной реки, без ее шумливых ледоходов и белых июньских ночей. Даже трескучие якутские морозы не смогли остудить в душе эту любовь...

Поселок, в котором он родился и вырос, был основан в те трудные годы, когда страна подымалась из руин войны. Дед Матвеева, Николай Иванович, оказался в числе тех, кто первыми высадились здесь, чтобы строить цементный завод. На этом заводе дед проработал инженером почти тридцать лет, а его сын продолжил трудовую династию. Казалось бы, и внуку заказана дорога на цементный, но так уж распорядилась судьба, что он стал начальником отряда в местной колонии строгого режима. Что поделаешь, должен кто-то на белом свете и эту нелегкую лямку тянуть.

Поначалу, конечно, не очень ладилось — все же в подчинении были люди, имевшие за плечами не одну судимость. Но постепенно он вник в специфику профессии, научился разбираться в характерах, находить подход к самым неисправимым. Дослужился до капитана и теперь ждал первую большую звездочку на погоны.

Но что-то в душе с недавних пор поселилась тоска, от которой не спасала даже водка. Ему шел тридцать пятый, и через три года он мог законно уйти в отставку. Мысли об этом возникали все чаще и чаще...

Блочная двухэтажка, где жил Матвеев, стояла на самом выезде из поселка. Дальше — зона, сразу за которой начиналась тайга. Чара потянула за собой хозяина к пустырю, где они всегда гуляли.

Снег сухо хрустел под ногами, а свет уличных фонарей казался в тумане тусклее. Вокруг было тихо, и лишь несильные порывы ветра нарушали эту тишину.

Неожиданно Матвееву почудился приглушенный, жалобный писк. Остановившись, он прислушался и понял, что не ошибся. Где-то пищал

совсем маленький котенок, и звук этот, похоже, шел от стоявшего во дворе мусорного контейнера, сбитого из деревянных щитов.

Придерживая за поводок собаку, он свернул к контейнеру, прикидывая в уме, откуда здесь мог взяться котенок. Похоже, выбросили погибать на морозе хозяева. Причем буквально только что, иначе бы уже не кричал...

В предрассветной темноте пришлось искать котенка по голосу, шаря голый рукой по замерзшим отбросам. Наконец нащупал живой комочек — и Матвеев быстро сунул его в глубокий карман полушубка.

Котенок сначала замолчал, затем закричал вновь — еще сильнее, воодушевленный теплом для продолжения борьбы за жизнь. Великий инстинкт выживания, заложенный природой в этом крохотном существе, работал безотказно.

— Ну, тихо ты, тихо. Ишь, разошелся, — радостно сказал Матвеев и тут вновь услышал в контейнере писк. — Так ты не один, что ли? Вот блин...

Он опять снял рукавицу и занялся поиском. Вскоре и второй котенок оказался у него в кармане рядом с первым найденным, и теперь они копошились там вдвоем, надрывно мяукая. Чара беспокойно вертелась рядом, нервно поскуливая и неотрывно глядя на карман.

На всякий случай Матвеев немного постоял возле контейнера, прислушиваясь, но писка больше не было. Скорее всего, кто-то из жильцов дома решил уменьшить выводок и почему-то выбрал именно такой способ. В голове быстро выстроилась вся картина.

Два слепых и беспомощных котенка оказались выброшенными, как мусор, своими хозяевами. Конечно, они пытались найти мать, чтобы спрятаться от обжигающего холода в ее теплой шерсти, но кошки нигде рядом не было, и крохи отчаянно звали ее, не зная, где укрыться, и не понимая, почему с ними такое происходит. Они еще не видели этот огромный, удивительный мир, но уже в полной мере познали всю его жестокость, оказавшись в нем лишними, едва родившись.

— Значит, не пришло еще ваше время, — Матвеев вздохнул, успокаивая рукой собаку. — Куда ж мне вас девать-то?

Он задумался, не зная, как поступить со своей находкой. Нужно было найти где-то кормящую кошку, но ни у кого из его знакомых в данный момент такой не имелось.

Отступать уже было поздно, потому что в кармане полушубка зашевелились и кричали два маленьких существа. Раз уж взялся за это дело, надо доводить его до конца.

Тут Матвеев вспомнил, что в гараже возле колонии должен дежурить водитель, который, возможно, что-то дельное подскажет. Идти было всего метров двести, и Матвеев не стал мешкать.

— Чаруха, вперед! — скомандовал он, ускоряя шаг...

Впереди в тумане появилась вереница огней. Это светился охранный периметр колонии. Сейчас там подходило время утренней проверки. Зеки выстроятся поотрядно в коридорах общежитий, и каждого будут называть по фамилии. Затем все просчитавшие отряды сотрудники соберутся в дежурке, и будет подбита общая цифра. Вчера вечером в зоне было девятьсот пятьдесят восемь осужденных. Значит, сейчас должно быть столько же, если ночью никто не сбежал. Только какой идиот побежит в такую погоду? Разве что безмерно отчаянный, кому терять нечего. Но таких

давно уже не попадалось. Последний побег из этой колонии был лет пятнадцать назад, и то весной. Чаще бывает наоборот — еще и не хотят освободиться, особенно пожилые, у которых на воле ни кола, ни двора не осталось. Некуда им податься, проскитались они всю жизнь по тюрьмам да лагерям, пока были силы и молодость, не думая, что это не вечно. А некоторые так в зоне и помирают, и, если родственники не находятся или живут очень далеко, хоронят их на отдельных кладбищах и ставят таблички без имени и фамилии — один только номер указан для порядка...

Холод упорно пробирался под одежду. Нос и щеки начали пощипывать, и Матвеев натянул до самых глаз ворот свитера. «Вот тебе и прогулочка», — с усмешкой подумал он. Хорошо еще, что оделся тепло, как будто чувствовал.

В гараже воняло соляжкой — водитель уже проснулся и включил тепловую пушку, сам же занимался разборкой какого-то узла от уазика. Дежурил сегодня Михалыч, крепкий мужик пятидесяти лет, острый на язык и охочий на разные байки. В колонии он работал уже лет десять, и все хорошо знали о его пристрастии к охоте.

— Привет, Михалыч, — Матвеев зацепил поводок за торчавший из стены крюк и, сняв рукавицы, стал оттаивать пальцами льдинки на ресницах.

Чара глухо рыкнула, то ли тоже здороваясь, то ли предупреждая незнакомца.

— А, капитан, заходи, — Михалыч кивнул, не бросая гаечного ключа. — Чего тебе в выходной день неймется? Нормальные люди дома сидят, а не сопли морозят.

— Дело у меня, — Матвеев слегка растерялся от такого начала.

— Дело? — Михалыч саркастически хмыкнул. — Ну, говори свое дело.

— Здесь кошка кормящая есть?

Водитель прекратил работу и посмотрел насмешливо.

— Кормящая кошка? А зачем тебе?

— Да вот котят слепых нашел. Пристроить бы их.

— Ну ты, капитан, даешь, — Михалыч покачал седой головой. — Мне б твои заботы.

Матвеев сконфузился. И что это он, в самом деле, ерундой занимается? Прошел бы спокойно мимо. Невелика-то трагедия. Черт его дернул в мусорке копать. Давно бы уже в тепле сидел.

— Да что-то жалко их стало, — скорее самому себе сказал он. — Накатило что-то...

Котята, как будто догадавшись, что разговор идет о них, опять замяукали.

Михалыч отложил ключ и не спеша протер тряпкой вымазанные машинным маслом руки.

— Ну-ка, покажи горемык.

Матвеев достал их и положил на широкую, привыкшую к труду ладонь водителя.

— Вот так оно в жизни и бывает. Один выбросил, другой подобрал... — Михалыч задумался о чем-то своем. — Решаем их судьбу и не спрашиваем, чего они сами хотят, будто имеем такое право... — Он помолчал, грустно глядя на котят. — Я тоже как-то на охоте оленюху пожалел. Хотел уже было выстрелить в нее, голубушку, да тут детеныш ее

из зарослей вышел. Как подумалось вдруг, что дите без матери останется, так рука сама и опустилась. Как ты говоришь, накатило что-то... Сложное существо человек. И добро, и зло в нем перемешаны.

Матвеев понял, что Михалыч сейчас открылся ему с новой, неожиданной стороны — как человек, склонный к осмыслению жизни. Выходит, мало его еще знал.

— В нашем свинарнике, кажись, кошка на днях родила, — водитель лукаво прищурил глаза и вновь стал таким, как обычно, — язвительным и словоохотливым. — Неси туда своих крестничков, спаситель.

— Спасибо, — Матвеев уважительно протянул ему руку.

— Давай, капитан, делай дальше доброе дело...

Пришлось топтать еще сотню метров до подсобного хозяйства колонии, где круглые сутки находился бесконвойник, смотревший за свиньями.

От скрипа входной двери дремавший на топчане зек поспешно вскочил.

— Здорово, Кузьмичев, — узнал подопечного Матвеев. — Как обстановка?

Чара сердито зарычала на человека, одетого в черную телогрейку с биркой на груди.

— Да нормально, — Кузьмичев удивленно смотрел на «гражданина начальника» и его собаку. — Случилось что?

В глубине свинарника раздавалось похрюкивание. Пахло чем-то прокисшим.

— Случилось, случилось... — Матвеев привязал свою любимицу к ручке двери. — У тебя, говорят, кошка окотилась?

— Ну да, — Кузьмичев не понимал, к чему клонит капитан.

— Да я тут вот нашел... — Матвеев достал из кармана котят. — Кто-то выбросил на помойку. Не возьмешь?

Оба найденыша, рыженький и серый, вновь запищали, словно чувствовали близкий конец своих мытарств.

— Конечно, пристроим сирот, — оживился Кузьмичев, принимая котят. — Если, конечно, Муська возражать не будет.

В углу комнаты стояла картонная коробка, из которой выглядывала кошка. Видно, неожиданные гости обеспокоили ее.

— Ну-ка, мамаша, принимай еще двоих, — Кузьмичев положил малышей к семейству.

Котята тут же устремились на поиски материнского соска. Расталкивая своих более крупных «братьев» и «сестер», они быстро отыскивали источник молока и жадно принялись за дело, громко чмокая и спеша утолить голод.

Два человека замерли, ожидая приговора Муськи. Кошка обнюхала новоявленных детей и принялась тщательно вылизывать их. Таким образом, к пяти ее родным отпрыскам добавилось два приемных.

— Ну, вот и хорошо, — Матвеев облегченно вздохнул, радостно наблюдая семейную идиллию. — А то иду, а они кричат... — Он вдруг смутился, пытаясь оправдать перед зекон свою сентиментальность. — Жалко стало.

Муська прикрыла глаза и дремала в чинном спокойствии, словно показывая людям, что знает себе цену. Она бы, может, и сказала, что у них, кошек, все проще насчет чужих детей, но она не умела говорить.

— Буду освобождаться, рыжего заберу с собой, — задумчиво сказал

Кузьмичев. — Я ведь сам детдомовский. Мать в роддоме оставила... Хорошо хоть не выкинула, как котенка. — Он грустно усмехнулся.

— На волю-то когда? — спросил Матвеев, отвязывая собаку.

— Осенью удо* подходит. Надеюсь уйти.

— Ну а что, мы будем тебя характеризовать положительно. Нарушений за тобой нет. Так что, думаю, должны отпустить. Ты ведь за избивание сидишь? — припомнил Матвеев дело зека.

— Ну да, козла одного проучил... и не жалею, — Кузьмичев нахмурился, провел рукой по жесткому ежику черных волос на голове. — С такими только так и надо.

— И за что ж ты его? В деле написано — на почве личной неприязни...

— К Наташке моей полез, хотя знал, урод, что она со мной. — В глазах Кузьмичева заблестели дерзкие огоньки. — Она стала отбиваться, так он еще и ударил. А она ж мне все рассказала потом... Короче, поговорил с ним по душам...

— Ясно, — Матвеев чисто по-человечески вполне понимал поступок осужденного, сам бы на его месте поступил так же. — Хоть ждет?

— Ждет, — улыбнулся Кузьмичев. — Мы ведь здесь и расписались с ней. Ездит теперь на свиданку... она в Якутске живет.

— Это хорошо, — Матвеев попытался представить эту женщину. — Фото есть?

— Конечно. — Зек поспешно открыл ящик стола, стоявшего рядом с топчаном, и достал небольшой фотоальбом, перекинул там несколько страниц и протянул капитану. — С ней, если получится, заживу по-новому. Надоело по зонам скитаться. Семью хочу, как у всех нормальных людей.

С фотографии смотрела, ласково улыбаясь, приятная лицом и фигурой женщина лет тридцати пяти с красивыми, добрыми глазами. Наверное, за нее можно было и в тюрьму пойти.

— Должно получиться, — подбодрил Матвеев и погладил собаку. — Да, Чаруха?.. Ну ладно, пойдем мы, а то моя, поди, уже нас потеряла.

Выходить обратно на мороз не хотелось, но деваться было некуда.

— Удачи тебе, начальник, — искренне сказал Кузьмичев. — Бог-то не фраер, он все видит.

— Ну, глядишь — и зачтется на том свете, кто знает, — Матвеев рывком откинул дверь и, чертыхнувшись, зашагал по утопанному снегу.

Чара рвалась домой, натягивая поводок и подгоняя хозяина.

Холод продолжал править этим застывшим миром. Он как будто рассердился, что у него отняли добычу, и теперь пытался отыграться на человеке и его собаке. Встречный ветер усилился и набрасывался злыми порывами.

Матвеев ускорил шаг и поднял воротник полушубка, чувствуя прилив хорошего настроения. Ничего, сейчас он вернется в тепло своей квартиры и выпьет горячего чаю с брусничным вареньем. Мороз для северянина привычен. Подумаешь, минус пятьдесят шесть.